

УДК 902/904

ПОСЕЛЕНИЯ РЖВ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ: (К ВОПРОСУ ОБ АРЕАЛЕ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2017 г. А.В. Новиков

В настоящей статье рассмотрены поселения раннего железного века Костромского Поволжья, выделены поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой ананьинского типа. Определено время проникновения носителей ананьинских традиций гребенчато-шнуровой керамики в пределы Костромского Поволжья, которое соотносится с VI в. до н.э. Именно с этого времени начинают происходить изменения культурной ситуации в регионе, где ранее доминировали поселения с сетчатой керамикой, развиваются поселения со смешаной ананьинской и сетчатой традицией. В середине I тыс. до н.э. Костромское Поволжье является зоной активных процессов культурогенеза. Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ Костромского Поволжья занимают важное место в системе памятников ананьинской культурно-исторической области, определяя западный вектор ее распространения.

Ключевые слова: археология, Костромское Поволжье, РЖВ, поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой

В настоящее время в Костромском Поволжье известно 46 поселений раннего железного века (РЖВ) (рис. 1). Большинство из них – многослойные памятники, содержащие наряду с материалами РЖВ культурные комплексы мезолита, неолита, бронзы или средневековья. Археологические раскопки проводились на 18 памятниках из 46, остальные обследованы только разведками. В этой связи следует сделать существенное замечание: с поселений, на которых проводилось только разведочное обследование и вскрывалась незначительная площадь или же раскопки не проводились вовсе, для культурного определения и датировок зачастую использовался только подъемный материал (фрагменты керамики), в большинстве случаев идентифицируемый как сетчатая керамика, а значит и памятник в целом интерпретировался как поселение общности с сетчатой керамикой, что, безусловно, оставляет некоторые спорные вопросы в определении его культурного статуса.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы указывают на присутствие в РЖВ в западных районах Костромского Поволжья культурной области, отличной от широко распространенной здесь области с сетчатой керамикой. Активное ее распространение фиксируется с середины I тыс. до н.э. и связано с традицией изготовления гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики, свойственной ананьинскому миру.

Первоначально необходимо очертить круг поселений с гребенчато-шнуровой и шнуро-

вой керамикой РЖВ Костромского Поволжья, установить территорию распространения в регионе керамики ананьинского типа и определить участки локализации поселений с такой керамикой внутри региона. Из 46 поселений Костромского Поволжья с материалами РЖВ на настоящее время выделяется 14 с комплексами гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики ананьинского облика (рис. 2). Важно отметить, что на всех поселениях имеется и сетчатая керамика. В регионе Костромского Поволжья происходила определенная корректировка традиций изготовления гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики, трансформировались отдельные специфические черты, изменялись элементы первоначального облика. Такая керамика, несомненно, имеет генетические истоки как ананьинских, так и сетчатых компонентов.

Ареал распространения ананьинской культурно-исторической области (АКИО) в западном направлении до настоящего времени четко не обозначен. Известны ананьинские древности и в Юго-Западном Прибеломорье – в бассейнах рек Сума и Тунгуда, в низовьях Выги. Отдельные элементы АКИО распространились и в районе каргопольской культуры на озерах Лача, Воже, Кубенское и Белое (носители гребенчато-шнуровой традиции). В Верхневолжском регионе в целом и Костромском Поволжье в частности памятники с комплексами гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ также известны.

В Костромском Поволжье изучены только поселенческие памятники. Могильники, имеющие отношение к ананьинскому миру, пока не известны. Основная часть рассматриваемой территории – это левобережный участок бассейна р. Волги от ее притоков р. Костромы на западе до р. Унжа на востоке, включая Галичско-Чухломскую возвышенность с крупнейшими озерами региона – Чухломским и Галичским, Костромскую и Унженскую низменности. Памятники РЖВ с сетчатой, штрихованной, нитчатой, гладкостенной, гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой сосредоточены в трех основных географических микрорегионах Костромского Поволжья: в окрестностях Галичского и Чухломского озер (Галичско-Чухломская возвышенность), в Костромской низине и по основному течению реки Волги вблизи города Костромы, в бассейне реки Унжи (Унженская низменность). В настоящее время это все известные участки локализации памятников РЖВ на территории Костромского Поволжья (рис. 2).

Сейчас опубликована только малая часть материалов РЖВ Костромского Поволжья, в частности, это сведения об исследованиях в Костромской низине (наиболее подробно) (Гурина, 1963), информация об археологических раскопках в округе Галичского озера (Фосс, 1947; 1948; 1949), ряд материалов с отдельных поселений Костромской низины (Патрушев, 1989). А.Е. Леонтьевым в сводной работе «Археология Костромского края» представлена общая характеристика части памятников РЖВ (АКК, 1997).

Полевое археологическое изучение поселений РЖВ Костромского Поволжья насчитывает более ста лет. Первые исследования были проведены в конце XIX века. Целенаправленное же изучение поселений региона с материалами РЖВ начинается в первой половине XX в. Именно в этот период и была сформирована основная источниковая база.

Первоначальный этап сбора сведений и материалов, впоследствии соотнесенных с эпохой раннего железа, связан с деятельностью Костромской губернской учёной архивной комиссии в конце XIX – начале XX века. Комиссией, открытой в 1885 г., в частности, Ф.Д. Нефедовым и Н.М. Бекаревичем, производился сбор данных и исторических сведений, выполнялись первые археологические раскопки, предпринимались попытки классификации археологических материалов (Новиков, 2014). На IV Областном Историко-Археологическом съезде в 1909 г.

А.Н. Рождественский обобщил итоги деятельности КГУАК по раскопкам в губернии. Однако сам краевед признавал, что сведения о памятниках археологии и о проводимых раскопках, имеющиеся в архивной комиссии, отрывочны и неполны (Рождественский, 1909, с. 3).

В 1908 г. в округе Галичского озера раскопки проводились под руководством В.Н. Глазова, который исследовал городища Унорож, Брюхово (Курган) и поселение Быки (Пуп) (АКР КО, 1999, с. 147, 149). В том же 1908 г. А.М. Тальгрэн произвёл небольшие раскопки на поселении Туровское «Заячья горка» (АКК, 1997, с. 52).

Следующий важный этап в изучении поселений РЖВ Костромского Поволжья – 20-е гг. XX века. В 1925 г. НИИ антропологии 1 МГУ организована экспедиция в район рек Ветлуги и Унжи, где с целью комплексного изучения населения данной местности и его истории проведены антропологические, археологические, этнографические и лингвистические исследования. В рамках работы экспедиции под руководством Б.С. Жукова и О.Н. Бадера археологически изучены 7 ветлужских и 4 унженских городища, среди которых Одоевское, Шангское, Рапоновское и др., а также одна стоянка – Паново (Бадер, 1951).

Именно 20-е гг. XX века были «золотым временем» повсеместного расцвета краеведения. Археологическое изучение Костромского Поволжья в это время неразрывно связано с деятельностью Костромского научного общества по изучению местного края, которое внесло громадный вклад в полевое изучение памятников археологии, в том числе содержащих материалы РЖВ. В это время происходит формирование фондов археологии Костромского музея-заповедника ценнейшими материалами, включая комплексы РЖВ. Обществом выявлено, обследовано и раскопано не менее 10 памятников археологии, среди которых есть и поселения с материалами РЖВ, включая ананьинские древности. Особую роль в деятельности общества с момента создания КНО в 1912 г. до его разгрома в 1929 г. сыграл В.И. Смирнов (Новиков, 2014). Непосредственно археологические работы в Костромском Поволжье В.И. Смирнов начинает в 1921 г. (Китицына, 1968, с. 239), наиболее серьезные многолетние работы им были проведены на территории Костромской низменности.

В окрестностях Галичского озера, на поселениях Умиленье (Пески) и Быки (Пуп), в 1945–1947 гг. значимые для решения нашей

проблемы исследования проведены под руководством М.Е. Фосс, ею же определена хронологическая позиция памятников указанного микрорегиона (Фосс, 1947; 1948; 1949). Отметим, что М.Е. Фосс отмечала наличие керамики ананьинского облика на поселении Быки.

Десятилетие спустя разведочные работы в окрестностях Галичского озера и Сусанинского болота провел М.И. Матасов. Исследования носили характер визуального обследования местности, выполнялись фотофиксация, осмотр и описание памятников, сбор находок. Систематизация полученных материалов не осуществлялась (Матасов, 1956; 1958).

В 1954 г. в связи с проектированием Костромского водохранилища Горьковская археологическая экспедиция под руководством Н.Н. Гуриной возобновила полевые археологические работы на территории Костромской низины. Экспедиция обследовала значительный ряд памятников эпох неолита, бронзы и раннего железа. В результате работ Н.Н. Гуриной получен масштабный объем источников, связанный с ананьинскими древностями. Среди исследованных памятников следует выделить такие поселения, как Станок I и II, Шунга, Борань, Ватажка, а также Минское городище. Н.Н. Гурина выделяла на памятниках РЖВ Костромской низины группу сосудов с характерным орнаментом в виде шнура, а область распространения ананьинской культуры ограничивала р. Ветлугой, прослеживая связь между костромскими и ветлужскими поселениями (АКР КО, 1999; Гурина, 1963).

В 1961 г. исследования на поселениях РЖВ, расположенных в округе Галичского озера, проведены Костромским отрядом Верхневолжской экспедиции под руководством Е.И. Горюновой. Перед отрядом стояла задача обследовать памятники РЖВ, а также получить и документировать материал, характеризующий локальный (костромской) вариант памятников дьяковской культуры. При посещении Галичского музея в 1961 г. Е.И. Горюнова обнаружила материал, поступивший с места строительства железнодорожного моста через реку Челсма. Судя по произведенным ею описаниям, материал был представлен сетчатой керамикой и шнуровой керамикой ананьинского облика (Горюнова, Отчет 1961, с. 4). В этом же году она проводит раскопки на поселении Быки (Пуп) и городище Брюхово «Курган», на обоих памятниках обнаружена ананьинская керамика (Горюнова, Отчет 1961).

В 60-70-е гг. XX в. исследования в Костромском Поволжье проводились И.В. Гавриловой, внесшей значительный вклад в археологическое изучение первобытных памятников региона. В период 1962–1964, 1969–1973 гг. она изучала поселение Федоровское в Чухломском районе (Гаврилова, 1983; Новиков, 2011, с. 102.), где разделила культурный слой на четыре последовательных горизонта и выделила пять типов керамики: ямочно-гребенчатую, гребенчатую, волосовскую, фатьяновидную, сетчатую (Гаврилова, 1969). Кроме того, в 1962 г. И.В. Гаврилова исследовала стоянку Умиленье (Пески, Толтуново II, III), а в 1975 и 1977 гг. – поселение Медведки II (Шача). На поселении Медведки II раскопом вскрыто 33 м². Гаврилова И.В. отмечала, что в верхних горизонтах культурного слоя памятника встречаются обломки от сетчатых и штрихованных сосудов (АКР КО, 1999, с. 268).

С конца 70-х – начала 80-х годов XX в. масштабные археологические разведочные работы на территории Костромской области проводятся экспедициями Института археологии АН СССР под руководством и при участии К.И. Комарова, Ю.Н. Урбана, А.Е. Леонтьева, В.В. Сидорова, М.Г. Жилина. В это время активно разрабатывается учетно-паспортная документация для памятников археологии, выполняется съемка планов памятников, проводится мониторинг, выявляются новые памятники, должное внимание, в том числе, уделяется и поселениям РЖВ.

Проведенные экспедициями Института археологии АН СССР в конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. исследования и полученные в конечном итоге материалы, бесспорно, явились важным вкладом в изучение памятников РЖВ Костромского Поволжья. В результате работ выявлены новые поселения данной эпохи, определено современное техническое состояние памятников археологии, атрибутирована часть найденных материалов, определена территория распространения материалов РЖВ в Костромском Поволжье на момент производства работ, накоплены сведения для составления перечня поселений, соотносимых с РЖВ, систематизации и картографирования этих памятников. Информация о поселениях РЖВ вошла в свод памятников археологии Костромской области (АКР КО, 1999).

В последующие годы разведочные работы на территории Костромского Поволжья носили локальный и отрывочный характер с охватом, как правило, одного из районов области или отдельного памятника, археологические

раскопки также носили эпизодический характер. Так, в 1999 г. мною проведены разведочные работы в Вохомском и Шарьинском районах Костромской области: обследованы Одоевское, Старошангское, Троицкое городища, поселения Медведки и Красноборы 4 (Новиков, Отчет 1999), в 2000 г. в Кологривском районе осмотрены Рапоновское городище и селище Аверьяновка (Новиков, Отчет 2000), в 2010 г. в результате археологического обследования в Чухломском районе у д. Григорьевское собран материал, представленный фрагментами сетчатой керамики РЖВ (Новиков, Отчет 2011). В процессе разведочных работ в Костромском районе в 2012 г. открыто поселение Борщино II, датированное средневековым и РЖВ (Новиков, Отчет 2013).

В 1989–1992 гг. археологические раскопки на Минском городище провела экспедиция Марийского государственного университета под руководством В.С. Патрушева (АКР КО, 1999, с. 94) в рамках комплексной научно-исследовательской темы «Этнические и социальные процессы у финно-угров» (Патрушев, Отчет 1990, с. 3). Собран представительный комплекс керамики РЖВ, включая ананьинские древности.

В 1994 г. экспедицией МарГУ под руководством В.В. Ставицкого проведены археологические исследования в Чухломском районе, в итоге открыто новое поселение Федоровское VIII, датированное РЖВ, и выполнены раскопки поселения Федоровское VII на площади 68 м² (Ставицкий, Отчет 1994). Керамика, найденная на указанных памятниках, сетчатая.

В 2004–2008 гг. мною проводились раскопки Федоровского поселения. Совокупная площадь раскопок за эти годы составила 504 м². В раскопах встречается сетчатая керамика, датируемая II–I тыс. до н. э., комплексы сетчатой посуды позднего бронзового времени (ПБВ) доминируют над керамикой РЖВ (Новиков, 2007; 2011). В 2009 г. проведены раскопки на территории «Нижнего городища» в г. Галиче. В небольшом количестве здесь найдены мелкие фрагменты сетчатой керамики РЖВ (Новиков, Отчет 2010). В 2011 г. при охранных археологических раскопках Городища в г. Костроме собраны фрагменты сетчатой, гладкостенной и реже – штрихованной керамики эпох поздней бронзы и раннего железа, обнаружена и шнуровая керамика ананьинского облика (Новиков, Отчет 2012). В 2013 г. в рамках работ по определению границ территории Городища в Костроме

заложены разведочные шурфы, в которых также обнаружена сетчатая и шнуровая керамика. В целом, памятник датирован в пределах конца II тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. Посещение площадки городища, скорее всего, было многократным, начиная с финала ПБВ и заканчивая первыми веками I тыс. н.э. В 2013–2015 гг. произведены спасательные археологические раскопки на городище Унорож в Галичском районе. В процессе исследований найдены фрагменты сетчатой, гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ (Новиков, 2015).

При рассмотрении материалов с поселений РЖВ Костромского Поволжья исследователи долгое время не заостряли внимание на комплексах гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики. При этом заметим, что такие материалы, и выделялись не всеми исследователями. При интерпретации материалов РЖВ внимание специалистов не акцентировалось на выделении таких комплексов из массива сетчатой, гладкостенной и иной посуды на памятниках Костромского Поволжья, не систематизировались такие материалы и при проведении полевых работ. Они лишь суммарно, по отдельным признакам, описывались, самостоятельно и комплексно не рассматривались, затрагивая отдельные вопросы, полностью не освещались.

Соответственно, проблематика, связанная с данными комплексами и их носителями, главным образом, рассматривалась с точки зрения распространения культурных групп и племен с такой керамикой, их смешения с местным населением (дьяковские племена), оказываемого влияния, связей, анализа пограничных территорий между культурными областями и, в первую очередь, их взаимодействия.

То есть в совокупности, при рассмотрении материалов РЖВ Костромского Поволжья, исследователи в разное время выделяли ананьинские комплексы по характерным деталям таковых, в первую очередь, по отличительным признакам на посуде – наличию «воротничка» и веревочного орнамента на отдельных памятниках данного региона (Вишневский, 1991, с. 10; Горюнова, 1961, с. 23–25; Гурина, 1963, с. 158, 201; Збруева, 1952, с. 185, 186; Марков, 2007, с. 61, 63; Фосс, 1949, с. 39). Интересна в этой связи точка зрения П.Н. Третьякова, который соотносил часть материалов с «гребенчато-веревочной» орнаментацией с поселений РЖВ Костромского Поволжья с каргопольской культурой, отмечая, что такие элементы характерны

для позднекаргопольской керамики, а сами каргопольские элементы хорошо представлены в керамике Ватажки (Третьяков, 1966, с.137,139).

Исследователями выстраивались концептуальные предположения о территориальных границах между отдельными культурными областями РЖВ в Костромском Поволжье, связываемых, в первую очередь, с дьяковским и ананьинским населением (Бадер, 1951; Горюнова, Отчет 1961; Горюнова, 1961; Гурина, 1963; Збруева, 1952; Патрушев, 1989; Розенфельдт, 1974; Смирнов А., 1952; 1961; Смирнов К., 1974; 1994; Фосс, 1952). Разграничение территорий и определение границы между ними большинством специалистов проводилось по водоразделу рек Унжи и Ветлуги, при этом обозначался четкий географический принцип разделения. Но сегодня можно говорить и о проникновении отдельных групп населения – носителей ананьинских традиций изготовления гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики в Костромское Поволжье гораздо западнее, в частности, их присутствие отмечается на поселениях, сосредоточенных в Костромской низине и в окрестностях Галичского озера. Традиционно исследователи разделяли группы памятников РЖВ Костромского Поволжья и Поветлужья (Бадер, 1951; Горюнова, 1961; Гурина, 1963; Смирнов А., 1952; 1961; Третьяков, 1966), при этом придерживались единого мнения о принадлежности ветлужских памятников к ананьинским. Территория же Костромского Поволжья, в основном, связывалась с дьяковской культурой, выделялись локальные варианты этой культуры, материалы соотносились с сетчатой керамикой «дьякова» типа или отождествлялись с сетчатой вообще. На этом фоне рассматривались и связи между культурными областями. Сложилось единое мнение, что территория междуречья рек Костромы и Унжи, в первую очередь бассейн последней, являлась контактной зоной, находилась на стыке двух культурных образований в эпоху раннего железа.

В целом, при изучении поселений РЖВ Костромского Поволжья сетчатой керамике уделялось заметно большее внимания. Связано это, прежде всего, с тем, что она преобладает на известных нам поселениях РЖВ над другими керамическими комплексами. Неоднозначно её соотношение с населением дьяковской культуры (Горюнова, Отчет 1961; Гурина, 1963; Исланова, 2002; Розенфельдт, 1974). В частности, Е.И. Горюнова выделяла

локальный северо-восточный (костромской) вариант этой культуры (Горюнова, Отчет 1961, с. 13, 25). М.Е. Фосс на основе анализа материалов с раскопок памятников окрестностей Галичского озера пришла к выводу о преемственности между культурой дьяковских племен и культурой предшествующего времени, характеризуемой древнесетчатой керамикой, устанавливая связь между памятниками РЖВ и предшествовавшими эпохами (Фосс, 1949, с. 39).

Очевидно, следует согласиться со сложившимся мнением о недостаточной изученности и необходимости дальнейших археологических исследований поселений РЖВ Костромского Поволжья.

Участки локализации поселений РЖВ Костромского Поволжья зачастую совпадают с заселенными участками как в предшествующие эпохи, так и в последующее время. Поселения же с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ находятся в тех же местах, что и поселки с сетчатой керамикой этого времени. Здесь следует отметить, что поселенческие площадки уже были подготовлены для проживания и использовались носителями сетчатой керамики при появлении на них групп населения носителей ананьинских традиций гребенчато-шнуровой керамики.

Первая группа поселений находится в пределах Костромской низины. Известно 16 поселений РЖВ, на половине из них зафиксированы гребенчато-шнуровые и шнуровые керамические комплексы РЖВ. Большинство поселений располагаются на дюнных всхолмлениях или останцах в пойме (10), три памятника находятся на мысу коренной террасы (городища в д. Городище, в г. Костроме и в с. Минское), три поселка размещаются на мысовидном выступе и на краю первой надпойменной террасы. Высота поселений над уровнем поймы или воды в реке составляет от 3 до 6 м. Наблюдается более высокое расположение площадок городищ: от 20 до 40 м. Площадь поселений варьирует от 1 400 до 12 000 м².

Поселения Галичско-Чухломской возвышенности, приуроченные к округе Галичского и Чухломского озер, Сусанинскому болоту, среднему и верхнему течению р. Костромы и ее притоков, сводятся во второй участок локализации. Здесь насчитывается 23 памятника с материалами РЖВ, из них на 6 имеется гребенчато-шнуровая и шнуровая керамика. На мысовидном выступе первой надпойменной террасы располагается 8 поселений, на мысу коренной террасы и останцах, отделен-

ных от нее, – пять. На дюнах и останцах в пойме также известно 5 площадок заселения, на краю первой надпойменной террасы находится 2 памятника, на краю коренной террасы – также 2, и, наконец, один расположен на мысовидном выступе второй надпойменной террасы. Высота отмеченных площадок над водой или поймой варьирует от 2 до 12 м. Обособленно в этом ряду стоит городище в Галиче, высота которого достигает 50 м над уровнем воды в Галичском озере. Необходимо отдельно обозначить поселения, приуроченные к низким к воде местам, например, такие как Медведки II (Шача) и Федоровское, минимальная высота поверхности которых над уровнем воды составляет всего около 0,5 м.

Площадь поселений Галичско-Чухломской возвышенности составляет от 600 до 30 000 м², в среднем 1500–4000 м². Подчеркнем, что поселения с большой площадью (до 30 000 м²) наряду с материалами РЖВ, в большинстве случаев содержат и комплексы других, более ранних (как правило, неолитических) или поздних культурно-хронологических пластов.

Поселения, сосредоточенные в Унженской низменности и приуроченные к бассейну реки Унжи и близко расположенной к ней реки Немды, сводятся в отдельный (третий) участок локализации памятников РЖВ. Количество поселений эпохи раннего железа в данной местности невелико и насчитывает всего 6: городища – Поповское (Ухтубужское) и Рапоновское, селища – Унжа II, Хохлянки, Аверьяновка, Леонтьево.

Безусловно, малочисленность памятников может говорить как о слабой заселенности этих территорий в рассматриваемое время, так и о недостаточной изученности, необходимости дальнейших археологических исследований региона. В частности, Е.И. Горюнова допускала, что в бассейне реки Унжи памятники ананьинской культуры пока не известны вследствие слабой изученности, однако предполагала их наличие и указывала, что близкое к Поветлужью Костромское Поволжье, связанное в Ветлугой разветвленной системой ее притоков, а также притоков Унжи и Костромы, входило в пределы уральской культурной области или, по крайней мере, было пограничной территорией, на которой происходил стык двух культурных областей: ананьинской и раннедьяковской. Она же отмечала, что материалы костромских памятников отражают этническую пестроту населения, считала, что сосуществование на территории одного памятника двух типов посуды говорит

об этнической смешанности населения, а не только о культурной общности (Горюнова, 1961, с. 23).

Информация о памятниках археологии очерченного третьего участка скудная, отрывочная, масштабные раскопки здесь не проводились, за исключением городищ Ухтубужское и Рапоново. Отметим, что памятники микрорегиона в своём большинстве содержат более поздние материалы раннесредневекового времени. Материалы из раскопок, связываемые с РЖВ, немногочисленны.

Памятники данной группы, в основном, тяготеют к коренной террасе, располагаются на ее краю (в 3 случаях), на мысовидном выступе (1), 2 памятника расположены на мысовидном выступе первой надпойменной террасы. Высота поселений над уровнем поймы или воды в реке, в среднем, составляет 4–6 м. Относительно высоко (50 м) находится Рапоновское городище. Определяемая площадь поселений Унженской низменности насчитывает от 1400 до 7000 м².

Таким образом, из 46 выделенных поселений 14 имеют комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ. Это такие поселения, как Быки (Пуп), Брюхово (Курган), Унорож, Умиленье, Челсма, Медведки II (Шача), Шунга, Борань, Станок I-II, Ватажка, Хреново, городище в Костроме и Минское городище.

Основные территории Костромского Поволжья, включающие поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой ананьинской и гибридной керамикой, расположены в окрестностях Галичского озера и в пределах Костромской низины, одно известно на территории, примыкающей к Сусанинскому болоту. В округе Чухломского озера и в бассейне реки Унжи (Унженская низменность) такие поселения пока не известны.

Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой ананьинского облика в округе Галичского озера в основном, расположены по северному, северо-западному берегам озера и по берегам вытекающей из него реки Вёксы. В окрестностях Галичского озера известные поселки с такими комплексами посуды тяготеют к высоким, выраженным на местности, местам. Для проживания, как правило, использовались естественные укрепленные участки – останцы в высокой пойме, тяготеющие к коренной террасе и отделенные от нее небольшими овражками, как, например, поселки Унорож, Брюхово (Курган), Быки (Пуп). Заметно отличается по расположению

поселение Умиленье (на дюнном всхолмлении в озерной пойме), но и основные комплексы с этого поселения более ранние по отношению к гребенчато-шнуровой и шнуровой керамике (галичская неолитическая керамика, сетчатая керамика ПБВ и РЖВ). Находки шнуровой керамики на территории поселка единичны, что в частности может указывать на кратковременное посещение данного места. Юго-западнее, примерно в 30 км от Галичского озера, находится Сусанинское болото, вблизи которого известно поселение Медведки II (Шача). Памятник находится на низком дюнном всхолмлении в пойме правого берега р. Шачи, в северо-восточной части болота. В настоящее время поселение затопливается. Находки шнуровой керамики РЖВ с памятника единичны.

Высота поселков Галичско-Чухломской возвышенности над уровнем поймы варьирует от 2 до 12 м. Площадь поселков очень вариативна: от 60 м² – Медведки, 475 м² – Брюхово, 320 м² – Быки до 14176 м² на Унороже. Площадь поселка РЖВ в Унороже однозначно определить невозможно, так как культурный слой этого времени зачастую здесь перемешан в раннее средневековье и в более позднее время. Основные городищенские слои относятся к мерянскому периоду. Значительная площадь поселения Умиленье (Пески) складывается из двух частей дюнного всхолмления, по крайней мере, одна из которых (площадью около 6000 м²) использовалась для проживания в ПБВ и в РЖВ.

Мощность культурного слоя на поселениях этой группы, в среднем, составляет около 0,5 м. Следует отметить, что на памятниках Брюхово (Курган) и Быки (Пуп) культурный слой с керамикой ананьинского облика формируется в верхних горизонтах, а нижние содержат материалы, соотносимые исключительно с сетчатой керамикой более раннего периода, при этом слои не разделяются визуально, а только по уровню залегания находок.

Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ, расположенные на территории Костромской низины, в своём большинстве тяготеют к руслу реки Костромы и к её более мелким притокам, за исключением городищ, которые находятся по основному течению реки Волги (в городе Костроме и в селе Минское). Поселки чаще всего располагались на дюнных всхолмлениях, останцах в широкой пойме (Ватажка, Борань, Станок I-II, Хреново) или на краю надпойменной террасы, как, например, Шунга. Городища приурочены

к высоким местам и находились на мысовидных выступах коренной террасы р. Волги.

Площадь поселений РЖВ Костромской низменности варьирует от 1400 до 2000 м² высота над уровнем поймы или воды в реке составляет от 2 до 6 м. Городища занимают площадь 1500 м² (Минское) и 4400 м² (в Костроме), высота над уровнем воды в реке Волге 24 и 40 м соответственно. Мощност культурного слоя на поселениях в среднем составляет 0,4–0,5 м, достигая 0,6–0,9 м на многослойных памятниках (Борань, Станок I, II), которые содержат, в том числе, и комплексы других эпох. Самая большая мощность на Минском городище – 0,8–1,3 м (достигает 2 м).

Можно выделить следующие характерные признаки поселений с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ Костромского Поволжья. Все они многослойные и возникают не на «чистом» необжитом месте, а на участках поселков предшествующего времени – ПБВ и РЖВ с сетчатой керамикой, на некоторых памятниках имеются и неолитические комплексы. Площадки памятников зачастую использовались и в последующее время (РЖВ, раннее средневековье): Станок I, II, Умиленье, Унорож, Борань, Быки (Пуп), Минское, в Костроме, Ватажка и др. Также отмечается размещение большинства поселений (Брюхово, Унорож, Станок I-II, Челсма, Шунга, Ватажка, Хреново, Умиленье) на берегах небольших речек, ручьев, на месте впадения последних (в приустьевой части) в более крупный водоём – в реку, озеро. Отмечается и устойчивая тенденция расположения поселений с ананьинскими материалами на высоких местах (всхолмлениях) в широкой пойме.

Мощность культурных напластований на поселениях Костромского Поволжья, содержащих ананьинские материалы, составляет от 0,2 до 1,1 м. Небольшие площадки (до 500 м²) имеют поселения Быки (Пуп), Брюхово (Курган), Медведки II. Площадь же основной массы поселений с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ Костромского Поволжья варьируется от 1400 до 2000 м² (Шунга, Ватажка, Борань, Станок II, Хреново, Минское).

Заметим, что комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики присутствуют в материалах практически всех поселений РЖВ Костромского Поволжья, на которых проводились раскопки, пусть ее количество и сильно варьирует, и соотношение с сетчатой керамикой нестабильно. На таких памятниках, как Борань, Умиленье, Станок I и II,

Медведки II (Шача), ее процент минимален. Это неудивительно, так как эти памятники в основе содержат сетчатую керамику ПБВ.

Обособленно в этом ряду выглядят окрестности Чухломского озера, где на настоящий момент поселения с гребенчато-шнуровыми и шнуровыми комплексами РЖВ не известны. В то же время накоплены богатые коллекции сетчатой керамики, соотносимой как с РЖВ, так и ПБВ (основные поселения – Федоровское, Федоровское VII, стоянки на реках Святица и Юг). Расселение вокруг Чухломского озера происходило в низких пойменных местах, на невысоких дюнных всхолмлениях и низких мысовидных выступах, в отличие от других отмеченных выше микрорегионов, где наличие комплексов с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой зафиксировано на поселениях, приуроченных к высоким останцам и мысам, за исключением, пожалуй, Борани и Медведок.

Итак, в Костромском Поволжье поселения ананьинской культурно-исторической области, в основном, локализуются в приустьевой части реки Костромы на территории Костромской низменности и в окрестностях Галичского озера, образуя два крупных участка их концентрации. Известны они также в окрестностях Сусанинского болота. На всех отмеченных поселениях с гребенчато-шнуровой, шнуровой и гибридной керамикой имеется и сетчатая посуда.

В целом для гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ поселений Костромского Поволжья наиболее характерны элементы орнамента, составленные из шнуровых оттисков, которые преобладают и составляют 68,8% от общего числа элементов. Доля ямочного орнамента – 25,8 %. Элементы из отпечатков гребенчатого штампа набирают 5,9 %. Отметим, что доля орнамента, выполненного отпечатками гребенчатого штампа, возрастает в окрестностях Галичского озера, снижаясь на юг к реке Волге, а в пределах Костромской низины выше доля шнуровых оттисков в сочетании с ямками и обнаруживается большее количество посуды с «воротничком» по краю.

Наибольший процент составляет слабо профилированная посуда – 40,8%; далее следуют плавно профилированные горшки – 34,3%, из них 12% с «воротничком». Немного меньше доля четко профилированной посуды – 21,6%, наиболее малочисленна группа чашевидных сосудов – 3,3%.

Итак, Костромское Поволжье, практически целиком находясь в культурной области

населения с традициями изготовления сетчатой керамики, в то же время на определенном историческом этапе испытывало и существенное влияние ананьинской культурно-исторической области. Наиболее представительны выглядят комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики на поселениях Ватажка, Быки (Пуп), Брюхово (Курган), Шунга и на городищах Минское и в Костроме, достигая иногда 30% от всей фиксируемой посуды РЖВ (сетчатой, штрихованной, нитчатой), в небольшом количестве обнаружены на поселениях Борань, Медведки, Станок I-II, Умиленье.

Можно выделить два взаимосвязанных этапа в развитии поселений РЖВ Костромского Поволжья с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой.

На первом этапе распространения АКЮ в Костромском Поволжье получают развитие такие поселения, как Ватажка, Быки (Пуп), Унорож, Брюхово (Курган), городище в Костроме. Керамические комплексы этих памятников синхронны каменоложской стадии развития ананьинской керамики, датируемой Л.И. Ашихминой VI–V вв. до н.э. (Ашихмина, 2014, с. 74, 298). В это время сетчатая и гребенчато-шнуровая традиции в керамическом производстве соседствуют на данных памятниках, гибридная керамика – явление достаточно редкое.

Сходство гребенчато-шнуровой посуды поселений Костромского Поволжья этого этапа обнаруживается с керамикой Юго-Западного Прибеломорья – похожая керамика имеется в бассейнах рек Сума и Тунгуда, в низовьях Выги, в частности гребенчато-шнуровой комплекс поселения Бохта II, датированный А.М. Жульниковым каменоложской стадией – VI–V вв. до н.э. (Жульников, 2005, с. 36). В целом, А.М. Жульников датирует ананьинскую керамику Западного Прибеломорья на основании восточных аналогий VI–IV вв. до н.э. (Zul'nikov, 2009, p. 78). Область Юго-Западного Прибеломорья, по мнению А.М. Жульникова, является контактной территорией, где присутствует гибридная керамика, сочетающая и черты керамики типа лууконсаари, и ананьинской (Ibid, p. 75).

Комплексы керамики ананьинского типа из Костромского Поволжья близки и ананьинской посуде позднекаргопольских поселений озера Лача, датируемой М.Е. Фосс первой половиной I тыс. до н.э., VII–V вв. до н.э. (Фосс, 1952, с. 118, рис. 68). Параллели прослеживаются и с ананьинской керамикой бассейна Средней Камы. Прежде всего,

это касается памятников, соответствующих каменоложской стадии VI–V вв. до н.э., среди которых средний горизонт поселения Каменный Лог (Ашихмина, 2014, рис. 66, 85). В VI–V в. до н.э. на ананьинской посуде в Прикамье появляется «воротничок», характерный для комплекса 1 керамики с поселения Ватажка (плавно профилированные сосуды с «воротничком»). Посуда комплекса 1 Ватажки, ряд плавно профилированной посуды с «воротничком» с поселения Быки (Пуп) находят соответствие в сосудах Ново-Кабановского, Тра-Тау и Аначаевского городищ (Там же, рис. 80), которые, как и керамика среднего горизонта Каменного Лога, датируется VI–V вв. до н.э. (Там же, с. 73).

Можно говорить о немалом сходстве посуды поселения Ватажка (комплекс 1), части комплексов поселения Брюхово (Курган), гребенчато-шнурового комплекса Унорожа с посудой с ветлужских городищ – Одоевского, Богородского, Русенихинского (Марков, 2007, рис. 46). Это, в частности, проявляется в орнаментальных мотивах, а именно: в сочетании гребенчатого штампа, шнуровых горизонтальных оттисков, реже с ямками, и морфологических особенностях верхней части сосудов (за исключением наличия «воротничков» на костромской керамике). Такая посуда с городищ Поветлужья датируется с VI в. до н.э. (Там же, с. 57). Нижний (первый) слой Одоевского городища укладывается в рамки VII–V вв. до н.э. (Бадер, 1951, с. 151), второй слой Богородского городища датирован VII–VI вв. до н.э., третий – V–IV вв. до н.э. (Архипов, 1982, с. 13).

Комплекс 1 поселения Ватажка характеризуется превалированием плавно профилированной посуды, в том числе с «воротничком», в мотивах орнамента находят преобладание и фиксируются сочетания гребенчатых отпечатков со шнуровыми оттисками и поясками из глубоких (в большинстве случаев) ямок, встречается посуда со сложношнуровой орнаментацией. Комплекс 2 характеризуется упрощением орнаментальных мотивов, преобладанием элементов из шнуровых оттисков (правда, встречаются многорядное их исполнение, волна), появлением мелких, как правило, неглубоких вдавлений, уменьшением зон заглаженных участков поверхности посуды и увеличением участков, покрытых сетчатыми отпечатками, увеличением процента слабо профилированных горшков при встречаемых профилированных горшках с сетчатой внешней поверхностью. Данный комплекс шнуро-

вой керамики отражает развитие и преобразование ананьинских керамических традиций, происходит процесс гибридизации керамики – комплекс 3.

Отметим и подобие ряда керамических комплексов Костромского Поволжья керамике поселений региона Средней Волги (Нижегородского Поволжья) – Васильсурского II городища (Халиков, 1977, рис. 86; Марков, 2007, рис. 45). Аналогии проявляются именно в орнаментике керамики комплекса 1 плавно профилированной посуды с «воротничком» с поселения Ватажка, где господствует горизонтальное построение композиций, как и на западноволжской ананьинской керамике.

Следует обозначить важную особенность. А.Х. Халиков указывал на присутствие на Васильсурском II городище гибридной посуды, появившейся, по его мнению, в результате смешения раннеананьинской и раннегородецкой керамики (Халиков, 1962, с. 148–150). Гибридная посуда, совмещающая шнуровую и сетчатую традицию, характерна и для ананьинских поселений территории Костромского Поволжья. При этом Малахайское и Васильсурское II городища А.Х. Халиков считал изолированными памятниками, керамику с них относил ко второй половине I тыс. до н.э. и называл ее керамикой "городецкого облика" (Там же).

Можно говорить о меньшем сходстве ананьинской керамики из Костромского Поволжья с посудой с поселений Марийского Поволжья. На таких памятниках, как Мари-Луговое (раскопки А.И. Шадрина 1990–1991 гг.), Сиухинское поселения (раскопки Д.Ю. Ефремовой и Б.С. Соловьева 2009–2010 гг.), Ардинское городище доминирует гребенчато-шнуровая традиция, встречается сложношнуровая керамика (правда, намного реже), присутствуют лебяжские черты (глазчатые ямки), имеется постмаклашеевская керамика. Очевидно, текстильная традиция здесь существует отдельно от ананьинской, нет массовой гибридизации, на что ранее обращал внимание С.В. Кузьминых (1982, с. 23; 1983, с. 157).

Всего 19 фрагментов керамики со шнуровым орнаментом и текстильными отпечатками (гибридная посуда) найдено во время исследований Ардинского городища (Архипов, Патрушев, 1982, с. 55). Все фрагменты – без «воротничков» по краю посуды. Правда, некоторая схожесть с керамикой с костромских памятников АКЮ отмечается в орнаментальных мотивах. Нижний культурный

слой Ардинского городища датируется VII–VI вв. до н.э. (Там же, с. 53).

Отдельно отметим Сиухинское поселение, расположенное в правобережье Волги, где встречаются «гофрированные» венчики, края с утолщениями, в орнаментации преобладают ряды из шнуровых оттисков, как и на посуде с большинства поселений с ананьинскими материалами Костромского Поволжья. Встречаются слабопрофилированные формы посуды, редки чашевидные. Предварительно памятник датирован VIII–VI вв. до н.э., но с оговоркой, что время существования поселения все-таки еще следует уточнить (Ефремова, Соловьев, 2014, с. 239). Возможно, Сиухинское поселение существовало и в более позднее время.

Шнуровая керамика Костромского Поволжья имеет сходные черты (морфологические особенности, орнаментика) и с посудой с памятников, приуроченных к бассейну Нижней Камы. В.Н. Марков выделял три этапа в развитии нижекамских поселений. Третий этап (VI–V вв. до н.э.), согласно этой периодизации, характеризуется появлением на памятниках Нижней Камы парного и строенного шнура, нередко сопровождающегося оттисками гребенчатого штампа (Марков, 2007, с. 44). Сходство с костромской керамикой можно найти в посуде таких памятников, как Сухой Берсут (керамика второй группы), Сорочьи Горы (верхний горизонт), необходимо отметить и отдельный ряд керамики с Гремячего Ключа (Там же, рис. 22, 10, 3: 2, 6).

Наблюдается ещё одно соответствие нижекамской и костромской керамики. На всех поселениях Нижней Камы фиксируется «текстильная» (Там же, с. 44) или сетчатая керамика. Это обстоятельство, безусловно, сближает эти поселения с поселками Костромского Поволжья и демонстрирует определенную взаимосвязь культурных процессов обозначенных регионов. Также В.Н. Марков отмечал, что доля примеси песка в тесте увеличивается именно в западной части региона Нижнего Прикамья (Там же, с. 15).

Ананьинская керамика бассейна р. Вятки характеризуется обилием гребенчатых отпечатков, чередованием таких отрезков с линиями шнуровых оттисков, дополняемых пояском из ямок. Аналогичная посуда с гребенчато-шнуровой традицией присутствует на поселениях Костромского Поволжья, таких как Ватажка (комплекс 1), Унорож. Сходство обнаруживается с комплексами Аргыжского городища, частью комплексов

Ройского Шихана (Там же, рис. 25, 27). Городище Ройский Шихан датировано VII–V вв. до н.э. (Архипов, 1962, с. 196, 203), позднее была предложена дата – не ранее VI в. до н.э., как и для Аргыжского городища (Марков, 2007, с. 57).

Необходимо отметить и близость керамики с Ватажки (комплекс 1) посуде с Грехневского I поселения, (Митряков, 2014, рис. 16, с. 176). Близость комплексов проявляется в морфологических особенностях, в частности, в преобладании слабо профилированных форм (Там же, с. 175). Предварительная датировка керамики Грехневского поселения – VII–VI вв. до н.э. (Там же, с. 174).

На этом этапе развития керамики обнаруживается высокая степень сходства вятской и костромской ананьинской керамики, собственно гребенчато-шнуровой традиции. Это сходство обнаруживается непосредственно в начальный период распространения АКЮ в Костромском Поволжье, а именно: в VI в. до н.э.

Относительно времени проникновения ананьинских племен в Поволжье А.А. Чижевский считает, что на рубеже VII–VI вв. до н. э. носители ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики выдвигаются в бассейны рек Вятки и Ветлуги и занимают здесь обособленную территорию (Чижевский, 2008, с. 71). А.А. Чижевский отмечает, что дальнейшая судьба культуры гребенчато-шнуровой керамики загадочна (Там же, с. 91), при этом соглашается с мнением С.В. Кузьминых, согласно которому миграция из Марийского Поволжья постмаклашевской и акозинской культур в конце VI в. до н. э. привела к активизации процессов культурогенеза на северо-западе России, когда происходит образование смешанных текстильно-ананьинских культур: позднекаргопольской, лукоонсаарикудомы и др. (Кузьминых, 1993, с. 82).

Обратим внимание на ряд особенностей гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ с поселений Костромского Поволжья начального этапа ее распространения. Различны орнаментальные мотивы и техника их исполнения на плавно профилированной посуде с «воротничком» поселений Ватажка и Быки (Пуп). На последнем орнамент в основном представлен в виде шнуровых оттисков, не дополняемых гребенчатыми отпечатками, а только вдавлениями, тогда как на керамике Ватажки встречаются все элементы (шнуровые оттиски, ямки, гребенчатые отпечатки). Керамика с поселения Брюхово

(Курган) уверенно сочетает в себе две техники исполнения: гребенчатую (зигзаги, короткие отрезки) и шнуровую. На керамике с поселения Станок I такое сочетание является редкостью. В регионе преобладают плавно профилированные (включая комплексы с «воротничком») (рис. 3) и профилированные формы посуды (рис. 4). Следует отметить, что мотивы и отдельные элементы сложношнуровой орнаментации (зигзаг, решетка, волна и др.), характерные для ананьинской керамики с памятников Среднего и Нижнего Прикамья, редко встречаются на костромской керамике ананьинского типа VI–V вв. до н.э. и единично фиксируются на посуде с таких поселений, как Брюхово (Курган), Быки (Пуп), Ватажка, Шунга и городище Минское.

Керамика Минского городища выглядит несколько обособленно: здесь гребенчатый штамп практически не встречается, но присутствует резная техника, орнамент очень разнообразный, составлен из горизонтальных рядов шнуровых оттисков, включая косички, которые очень часто присутствуют на посуде. Нередко фиксируется сочетание шнуровых оттисков с поясками из ямок, сходными с посудой Аначевского городища (Ашихмина, 2014, рис. 79, 80), за исключением фигурных и других мелких вдавлений. Правда, ямки встречаются, как правило, мелкие подтреугольные, а также овальной, ромбической формы, реже – округлые и аморфные, фигурные неглубокие вдавления. Отмечается и устойчивое морфологическое подобие, в частности, найдены профилированные сосуды с реберным плечом, как на посуде из среднего горизонта поселения Каменный Лог (Там же, рис. 66).

Профилированная посуда обнаружена и на других памятниках Костромского Поволжья: на поселениях Шунга, Ватажка, Брюхово (Курган), Быки (Пуп), на городище в Костроме (рис. 4). В целом, следует отметить следующее обстоятельство: по орнаментации керамика Минского городища более сходна с фрагментами посуды, найденной на памятниках выше устья р. Вятки по Каме и, возможно, с частью бельских (Бирское) (Халиков, 1977, рис. 92). Обнаруживается значительное совпадение керамики Минского городища и поселения Усть-Очер I, датированного 2 пол. VI – нач. V в. до н.э. (Коренюк, 2014, рис. 3) в орнаментации (широкие зоны шнуровых оттисков, косички), в морфологии (профилированные сосуды с выделенным плечом).

С V в. до н.э., на поздней каменооложской стадии, в систему расселения ананьинских

групп включается ряд новых поселений – например, Станок I, на посуде которого очень редко встречаются «воротнички», меньше зон, орнаментированных гребенчатыми отпечатками, превалируют шнуровые оттиски. Очевидно, к этому же времени относится и поселение Шунга, на керамике которого наблюдается орнамент, составленный из шнуровых оттисков в виде волны. Правда, орнамент более разрежен, встречаются наклонные гребенчатые оттиски, присутствуют плавно профилированные и профилированные формы сосудов. Уменьшение доли орнаментированных зон, разреженность элементов орнамента, низкий процент ямок отмечается на ананьинском памятнике Вятского бассейна – Скорняковском городище (Митряков, 2014, рис. 17, с. 177), датированном именно V в. до н.э. (Там же, с. 183). При этом морфология посуды различна: на Скорняковском городище, в отличие от поселений Костромского Поволжья, много посуды с «воротничком», что, впрочем, в данном случае сближает её с керамическим комплексом 1 поселения Ватажка.

Очевидно, именно с V в. до н.э. на многих поселениях Костромского Поволжья происходят значительные изменения. Керамические комплексы, фиксируемые на поселениях РЖВ Костромского Поволжья, чаще всего, смешанные. Это, безусловно, является подтверждением устойчивых связей населения с сетчатой керамикой и ананьинского мира, свидетельствует о сложности культурных процессов, происходивших в РЖВ на территории Костромского Поволжья. Интеграция в местную среду с сетчатой керамикой способствовала сглаживанию многих классических культурных традиций в керамическом производстве, свойственных ананьинской культурно-исторической области. Именно в это время в результате взаимодействия культурных областей начинает массово появляться гибридная керамика (рис. 5, 6).

Суммируя морфологические и технологические изменения керамики, произошедшие в результате этих контактов, можно отметить следующее. Происходит изменение техники обработки внешней поверхности горшка (заглаженная поверхность зачастую сменяется сетчатой), меняется состав примесей, при этом превалируют минеральные примеси (песок), появляются новые элементы орнамента, изменяется профилировка горшков.

Итак, из морфологических особенностей можно назвать изменение профилировки, т.е. превалируют слабо профилированные формы,

характерные для сетчатой керамики данной округи в целом, теряются плавность и изогнутость в верхней части. Преобладают плоскодонные сосуды. Морфологические особенности, характерные для ананьинской керамики, проявляются на сетчатой посуде, как, например, плавность в профилировке верхней части сосудов (вогнутая шейка, округлые плечики), шнуровая же керамика, напротив, теряет плавность, округлобкость, начинают преобладать слабо профилированные формы сосудов с пологим низким плечом и короткой шейкой, край приобретает форму «гофры», часто обрабатывается сетчатыми отпечатками, обретает Т и Г-образные оттяжки.

Сетчатая структура, по большей части, характерна для внешней поверхности тулова горшка, реже заходит на плечики и шейку сосудов, отмечен случай захождения на шнуровой орнамент. На поверхности фрагментов преобладают сетчатые мелкоячеистые, хаотично расположенные отпечатки, намного реже встречаются крупноячеистые. Нередки случаи, когда орнамент накладывается на поверхность с сетчатыми отпечатками, заглаженные участки минимальны.

При орнаментации гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ появляются отдельные элементы, не характерные для носителей ананьинских традиций: фигурные неглубокие вдавления и штампы, неглубокие широкие вдавления с «рваными» краями и другие разные мелкие неглубокие вдавления, «розетки», характерные для дяковской среды с сетчатой керамикой и сетчатой посуды вообще. Используется и сочетание отмеченных элементов на посуде, как, например: по шейке шнуровые оттиски, а ниже по плечу неглубокие фигурные вдавления. Орнаментальные элементы и мотивы в виде оттисков шнура, часто заполнявших всю внешнюю поверхность шейки посуды, или отпечатков мелкогребенчатого штампа (правда, встречающихся в регионе реже), не характерных для сетчатой керамики Костромского Поволжья, начинают наноситься и на керамику с сетчатой поверхностью: накладываться на такую поверхность или же оконтуриваться зонами сетчатых отпечатков, нанесенных по плечу и ниже по тулову, по завершении композиционного исполнения, как правило, по шейке сосудов.

Важно отметить, что в глиняное тесто гребенчато-шнуровых и шнуровых сосудов Костромского Поволжья входят в основном только минеральные примеси (чаще всего песок, в т.ч. крупнозернистый), что харак-

терно для консервативной среды с сетчатой керамикой. Редко, на единичных фрагментах, отмечены пустоты. Нельзя не отметить, что с V в. до н.э. в гребенчато-шнуровой и шнуровой керамике всех западных регионов появляется общее свойство – наличие в тесте минеральных примесей (песка). Однако, скорее всего, это связано не с контактами на отдельных западных территориях ананьинской культурно-исторической области самостоятельных групп, изготовлявших гребенчато-шнуровую и шнуровую керамику, и передачей этой традиции, а с близостью и влиянием культурной области сетчатой керамики, для которой это явление характерно.

Далее перейдём ко второму этапу эволюции поселений с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ Костромского Поволжья, который синхронизируется с ныргындинской стадией развития ананьинской керамики, датируемой IV–III вв. до н.э. (Ашихмина, 2014, с. 74). На этом этапе орнаментация на шнуровой керамике заметно упрощается, отсутствуют гребенчатые оттиски, более не встречаются широкие орнаментальные зоны, совмещающие орнаментальные мотивы, выполненные в разных техниках исполнения, преобладают двух- и трёхрядные горизонтальные шнуровые оттиски, нередко сочетающиеся с различными вдавлениями, как на керамике с памятников бассейна Средней Камы. Распространяется и доминирует гибридная керамика. Посуда с «воротничком» на этом этапе отсутствует, в орнаментации не применяется гребенчатый штамп, преобладают слабо профилированные формы посуды (рис. 6). К поселениям этого этапа можно отнести такие, как Станок II, Борань, Медведки II, Умиленье, Челсма, вероятно, Хреново.

Если сравнивать топографические особенности поселений с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ на первом и втором этапах их развития, становится очевидно, что места заселения второго этапа находятся ниже по отношению к реке. При этом поселения, появившиеся на первом этапе, также продолжают существовать.

Керамика второго этапа имеет большое сходство с посудой верхневолжских памятников – городищ около Калязина и Городка (Третьяков, 1941, рис. 6: 2, 6; рис. 9: 2, 6, 7, 10; 1966, рис. 43: 2). П.Н. Третьяков датировал обозначенные городища синхронно поселению Ватажка Костромского Поволжья (Третьяков, 1966, с. 147). Обнаруживается сходство с комплексами 2 и 3. Близка посуда этого этапа и

керамике Серюпитинского городища, на которой также фиксируются лишь редкие ряды шнуровых оттисков, и присутствует сетчатая внешняя поверхность (Столяр, 1963, рис. 4: 1, 4). Городище датировано IV–III вв. до н.э. – I в. н.э. (Там же, с. 238). Наблюдается сходство посуды второго этапа с керамикой поселений бассейна Средней Камы – Зуево-Ключевское I, Нырғында I, отнесенных Л.И. Ашихминой к IV–III вв. до н.э. (Ашихмина, 2014, рис. 46, 48, 72). Следует отметить ее подобие и посуде из второго слоя Одоевского городища, датированного тем же временем (Бадер, 1951, с. 152). Керамика Одоевского городища претерпевает в это время значительные изменения. Во-первых, появляются минеральные примеси в тесте. Во-вторых, отмечается снижение орнаментированных зон, шнуровой орнамент представлен слабо, на орнаментальном фоне остаются чистые поля (Воеводский, 1951, с. 160–169). Сосуды этого времени – с невысокой прямой шейкой и выраженными плечиками, венчик округлый, иногда с наплывом наружу, встречаются сосуды со слабовыраженной шейкой. Появляется сетчатая керамика. Все эти признаки, несомненно, сближают керамику поселений Костромского Поволжья и Одоевского городища этого периода.

В целом, возможно, указать на сходный характер процесса изготовления керамики в это время: уменьшается доля шнуровых оттисков, увеличивается процент слабо профилированной посуды, на внешнюю поверхность наносятся сетчатые отпечатки.

Похожая, с разреженными шнуровыми оттисками, керамика в небольших количествах встречается и на поселениях Марийского Поволжья, таких как Ардинское городище и Сиухинское поселение. Следует отметить, что наряду с ананьинской и сетчатой керамикой на поселениях в Марийско-Нижегородском Поволжье, в частности на Ардинском и Васильсурском II, известна и гибридная керамика.

Итак, в VI–III вв. до н.э. поселения РЖВ Костромского Поволжья включаются в ареал ананьинской культурно-исторической обла-

сти. Начало изменения культурной ситуации в VI в. до н.э. в Костромском Поволжье явилось импульсом развитию поселений со смешанной ананьинской и сетчатой традицией. Несомненно, территория Костромского Поволжья – зона активного культурогенеза в РЖВ. Впервые керамика (носителей гребенчато-шнуровой традиции), происходящая с восточных территорий и явно отождествляемая с АКЮ, на поселениях Костромского Поволжья появляется в VI в. до н.э. Всего выявлено два крупных участка концентрации таких поселений: Костромская низина и округа Галичского озера. Первоначально для проживания использовались только высокие места (Брюхово, Быки, Унорож, Минское, в Костроме, Ватажка), в дальнейшем заселялись и более низкие площадки, тяготеющие к реке. Подобные поселения, расположенные на приближенных к воде участках, осваиваются носителями ананьинских традиций в Костромском Поволжье на позднем этапе, в IV–III вв. до н.э.: Умиленье, Борань, Медведки II, Станок II, Шунга.

Необходимо подчеркнуть, что работы по выявлению, сопоставлению, анализу и обобщению ананьинских материалов в целом в западной части их распространения актуальны и требуют продолжения.

Таким образом, поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ Костромского Поволжья занимают важное место в системе памятников ананьинской культурно-исторической области, определяя западный вектор ее распространения. На первый план здесь выходят проблемы выделения и интерпретации материалов АКЮ, которые необходимо решать с учетом взаимодействия двух крупных культурно-исторических областей – ананьинской и сетчатой керамики. При этом археологическую ситуацию в области распространения поселений с сетчатой керамикой в контактных районах необходимо рассматривать только с учетом влияния носителей ананьинских традиций.

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ, 2014. 300 с.

Археологическая карта России. Костромская область / Сост. К.И. Комаров; отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Вост. лит., 1999. 368 с.

Археология Костромского края. Под ред. А.Е. Леонтьева. Кострома: ГНПЦ по сохранению, реставрации и использованию ист.-культур. наследия Костром. обл., 1997. 274 с.

- Архипов Г.А.* Ананьинские городища на р. Вятке // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. 2 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 188–205.
- Архипов Г.А., Патрушев В.С.* Ардинское городище // Поселения и жилища Марийского края / АЭМК; Вып. 6 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1982. С. 51–82.
- Архипов Г.А.* Городища и селища Поветлужья и Горьковского Заволжья (к истории марийско-славянских контактов) // Поселения и жилища Марийского края / АЭМК; Вып. 6 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1982. С. 5–50.
- Бадер О.Н.* Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Отв. ред. В.Н. Чернецов. М.-Л.: АН СССР, 1951. С. 110–158.
- Вишневецкий В.И.* Дьяковская культура в Верхнем Поволжье (VIII–VII вв. до н.э. – VII–VIII вв. н.э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1991. 22 с.
- Воеводский М.В.* Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Отв. ред. В.Н. Чернецов. М.-Л.: АН СССР, 1951. С. 159–180.
- Гаврилова И.В.* Керамика Фёдоровской стоянки в связи с новыми исследованиями // КСИА. 1969. Вып. 117. С. 76–83.
- Гаврилова И.В.* Некоторые итоги раскопок Фёдоровского // КСИА. 1983. Вып. 173. С. 89–93.
- Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья / МИА; № 94. М.: АН СССР, 1961. 265 с.
- Гурина Н.Н.* Памятники эпохи бронзы раннего железа в Костромском Поволжье: (По материалам Горьковской экспедиции) // Труды Горьковской археологической экспедиции: Археологические памятники Верхнего и Среднего Поволжья / МИА. № 110 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.-Л.: Наука, 1963. С. 85–204.
- Ефремова Д.Ю., Соловьев Б.С.* Сиухинское поселение (предварительные итоги исследований 2009–2011 гг.) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых. А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 225–240.
- Жульников А.М.* Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск: Паритет, 2005. 310 с.
- Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.
- Исланова И.В.* О локальных группах дьяковских памятников // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2002. С. 451–460.
- Китицына Л.С., Третьяков П.Н.* Памяти Василия Ивановича Смирнова // СА. 1968. № 4. С. 239–243.
- Кореньюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Современное состояние проблем изучения среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Прикамье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых. А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 116–131.
- Кузьминых С.В.* Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Волго-Камье в 1968–1981 гг. // Новое в археологии и этнографии Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1982. С. 13–23.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.
- Кузьминых С.В.* Меларские кельты Восточной Европы и Фенноскандии (к проблеме одной исторической загадки) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3 / Отв. ред. В.П. Челябинов. Рязань: НПЦ, 1993. С. 61–109.
- Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 136 с.
- Митряков А.Е., Черных Е.М.* Вятские древности начала железного века: полтора столетия после открытия культуры «костеносных городищ» // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых. А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 147–186.
- Новиков А.В.* Полевое археологическое изучение памятников раннего железного века Костромского Поволжья в конце XIX – начале XX в. // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. I: Гуманитар. науки. №4. С. 41–47.
- Новиков А.В.* Памятники с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века в бассейне Галичского озера // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2015. С. 50–68.
- Новиков А.В.* Археологические исследования Федоровского поселения в Чухломском районе Костромской области в 2005–2006 гг. // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 102–114.
- Новиков А.В.* Археологические исследования Федоровского поселения в Чухломском районе Костромской области в 2004–2005 гг. // Археология: история и перспективы: Третья межрегиональная конференция: Сб. статей / Отв. ред. А.Е. Леонтьев. Ярославль: ИА РАН, ЯГИАХМЗ, 2007. С. 159–169.
- Патрушев В.С.* У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 122 с.

Рождественский А.Н. Краткие сведения о раскопках в Костромской губернии: (КIV областному Историко-Археологическому съезду). Кострома: Губ. тип., 1909. 17 с.

Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 90–197.

Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья / МИА. № 95. М.: АН СССР, 1961. 171 с.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / МИА. № 28. М.: АН СССР, 1952. 276 с.

Смирнов К.А. Дьяковская культура: (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 7–89.

Смирнов К.А. Проблема периодизации памятников городищ дьяковской культуры // РА. 1994. № 4. С. 85–97.

Столяр А.Д., Хлобыстин Л.П. Городище у дер. Серюпитино // Труды Горьковской археологической экспедиции: Археологические памятники Верхнего и Среднего Поволжья / МИА. № 110 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.-Л.: Наука, 1963. С. 227–238.

Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. / МИА. № 5. М.-Л.: АН СССР, 1941. 150 с. + 71 илл.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л.: Наука, 1966. 308 с.

Фосс М.Е. Древнейшая история севера Европейской части СССР / МИА. № 29. М.: АН СССР, 1952. 278 с.

Фосс М.Е. Итоги Галичской экспедиции // КСИИМК. 1949. Вып. XXVI. С. 34–39.

Фосс М.Е. Новые памятники в районе галичской культуры (раскопки Галичской экспедиции 1945 г.) // КСИИМК. 1947. Вып. XVII. С. 63–69.

Фосс М.Е. Результаты Галичской экспедиции 1946 г. // КСИИМК. 1948. Вып. XX. С. 58–66.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 262 с.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. 2 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 7–187.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / АЕС; Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Zul'nikov A.M. Early Iron Age settlements in the western part of the White Sea // Iskos 16 / M. Lavento (ed.). Helsinki: Finnish Antiquarian Society, 2009. P. 75–84.

НАУЧНЫЕ ОТЧЕТЫ:

Горюнова Е.И. Отчет о работах Костромского отряда Волжской экспедиции 1961 г. Москва, 1962 / КМЗ. Фонд археологии. Приложение к КМЗ КОК №18028 / ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».

Матасов М.И. Отчет об археологических разведках в Буйском, Сусанинском и Ореховском районах Костромской области в 1956 г. Буй, 1957 / Архив ИА РАН. Р-1. № 1226.

Матасов М.И. Отчет об археологических разведках в Буйском районе Костромской области в 1958 г. Буй, 1959 / Архив ИА РАН. Р-1. № 1721.

Новиков А.В. Научный отчет о выполненных археологических исследованиях по определению границ территории и предметов охраны объектов культурного наследия федерального значения «Городище» кон. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. и остатков крепостного вала XVI в. в г. Костроме Костромской области в 2013 г. Кострома, 2014 / Архив ИА РАН. Р-1.

Новиков А.В. Научный отчет о проведенной археологической разведке в Костромской области в 2010 г. Кострома, 2011 / Архив ИА РАН. Р-1.

Новиков А.В. Научный отчет о проведенной археологической разведке на территории Костромского, Буйского, Красносельского и Нерехтского районов Костромской области в 2012 г. Кострома, 2013 / Архив ИА РАН. Р-1.

Новиков А.В. Отчет о выполненных археологических раскопках городища у с. Унорож в Галичском районе Костромской области. Кострома 2013, 2014, 2015 / Архив ИА РАН. Р-1.

Новиков А.В. Отчет о проведенном археологическом обследовании в Кологривском районе Костромской области в 2000 г. Кострома, 2001 / Архив ИА РАН. Р-1. № 24088.

Новиков А.В. Отчет о проведенных охранных археологических раскопках на месте строительства жилого дома по ул. Дачная, 23 в г. Костроме в 2011 г. (Городище в Костроме). Кострома, 2012 / Архив ИА РАН. Р-1. № 30360–30364.

Новиков А.В. Отчет об археологических раскопках «Нижнего Городища» в г. Галиче в 2009 г. (Костромская область). Кострома, 2010 / Архив ИА РАН.

Новиков А.В. Отчет об археологической разведке в 1999 г. в Вохомском и Шарьинском районах Костромской области. Йошкар-Ола, 2000 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23320.

Патрушев В.С. Отчет об исследованиях Минского городища в 1990 г. Йошкар-Ола, 1991 / Архив ИА РАН. Р-1. № 14398.

Ставицкий В.В. Отчет об исследованиях в Чухломском районе Костромской области в 1994 г. Йошкар-Ола, 1995 /Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области.

Информация об авторе:

Новиков Александр Викторович, заместитель директора, ООО «Костромская археологическая экспедиция» (г. Кострома, Российская Федерация); e-mail: kae44@mail.ru

SETTLEMENTS OF THE EARLY IRON AGE IN THE KOSTROMA VOLGA REGION: (CONCERNING TO AREAL OF THE ANANYINO CULTURAL AND HISTORICAL REGION)

A.V. Novikov

The paper considers settlements of the Early Iron Age located in the Kostroma Volga region and focuses on settlements with comb-cord and cord ceramics of the Ananyino type. It identifies the time of penetration of the representatives of the Ananyino traditions of comb-cord ceramics into the Kostroma Volga region, which corresponds to the 6th century B.C. Changes in the cultural situation began in this period within a region previously dominated by settlements with textile ceramics, and settlements developed which were characterized by a combination of Ananyino and textile tradition. In the mid-1st Millennium B.C. the Kostroma Volga region was an area of active cultural genesis. Settlements with comb-cord and cord ceramics of the Early Iron Age located in the Kostroma Volga region occupy an important place in the system of monuments corresponding to the Ananyino cultural and historical region, determining the western vector of its distribution.

Keywords: archaeology, Kostroma Volga region, Early Iron Age, settlements with comb-cord and cord ceramics

About the Author:

Novikov Alexander V., Deputy Director, Kostromskaia arkheologicheskaja ekspeditsiia, LLC (Kostroma, Russian Federation); e-mail: kae44@mail.ru

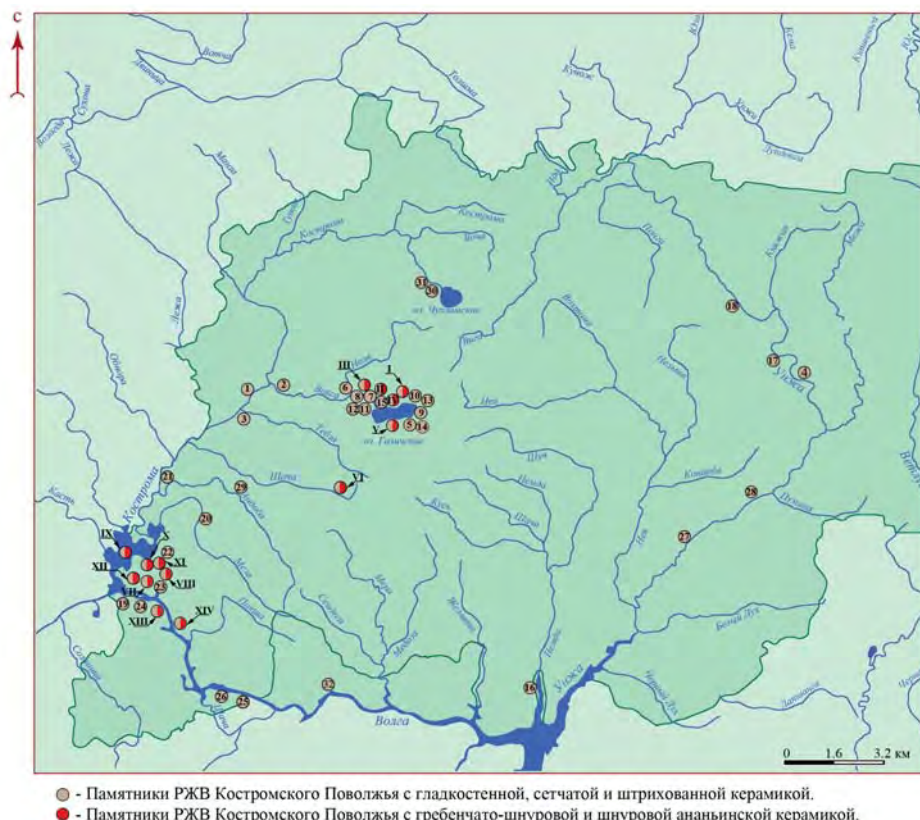

Рис.1. Поселения РЖВ Костромского Поволжья.

Поселения РЖВ с гребенчато-шнуровой керамикой ананьинского типа: I – Быки (Пуп), II – Брюхово (Курган), III – Унорож, IV – Умиленье (Пески), V – Челсма, VI – Медведки II (Шача), VII – Шунга II, VIII – Ватажка, IX – Борань, X – Станок II, XI – Станок I, XII – Хреново, XIII – в г. Костроме, XIV – Минское.

Поселения РЖВ с гладкостенной, сетчатой и штрихованной керамикой: 1 – Княгинино, 2 – Бараново II, 3 – Усть-Тезза, 4 – Поповское (Ухтубужское), 5 – в г. Галиче, 6 – Воскресенское, 7 – Брюхово II, 8 – Брюхово III, 9 – Лихарево II, 10 – Туровское II, 11 – Унорож, 12 – Кучумиха, 13 – Туровское I (Заячья Горка), 14 – Шокша (Бугорки), 15 – Демьяновское, 16 – Хохлянки, 17 – Рапоново, 18 – Аверьяновка, 19 – Борщино, 20 – Городище, 21 – Колгора, 22 – Бораны, 23 – Емсна, 24 – Коряково II, 25 – Отрада, 26 – Трубинка, Унжа II, 28 – Леонтьево, 29 – Бухарино, 30 – Федоровское, 31 – Федоровское VII, 32 – Городище.

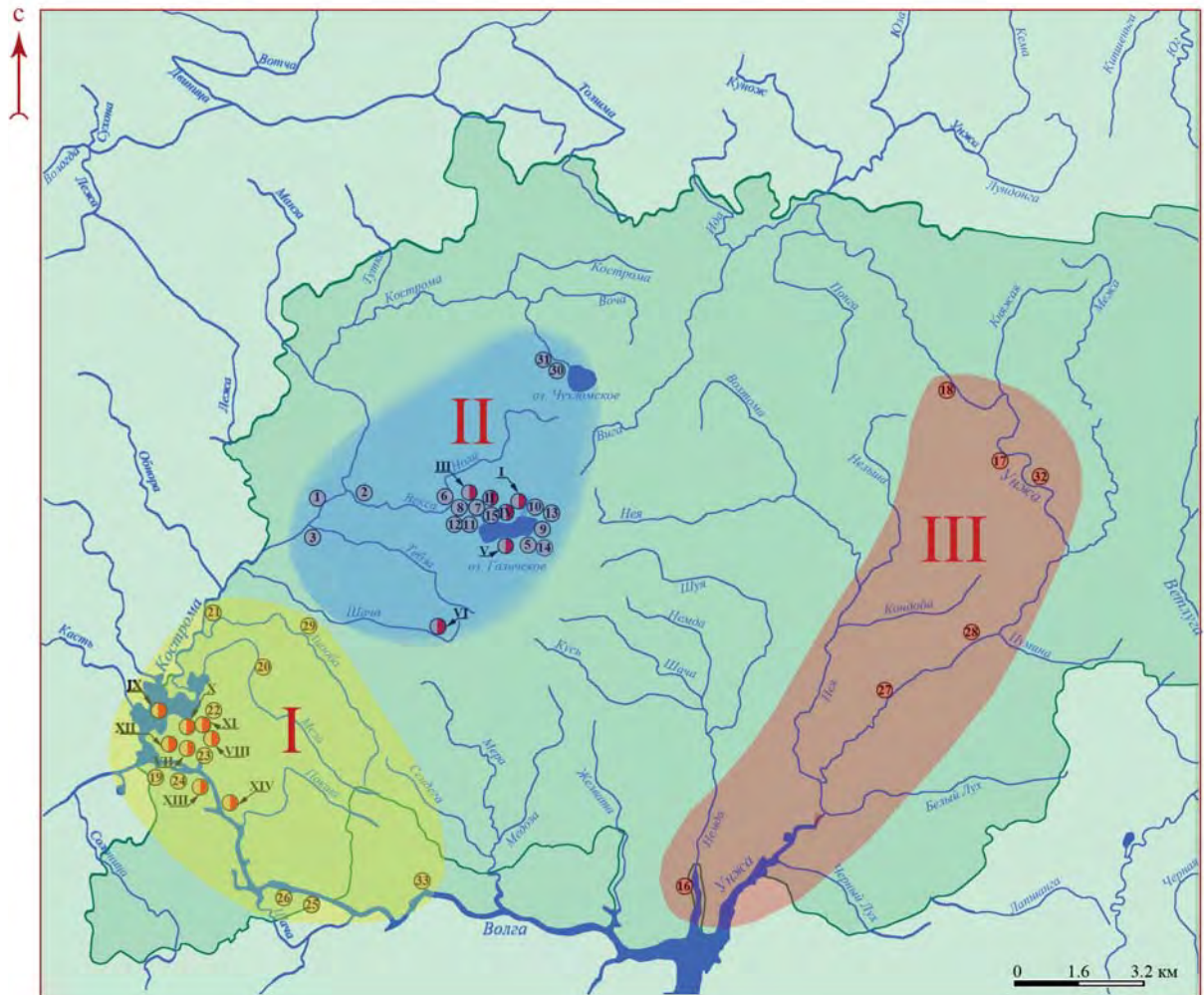

Рис. 2. Участки локализации поселений РЖВ Костромского Поволжья. I группа – Костромская низина, II группа – округа Галичского озера, III – Унженская низменность

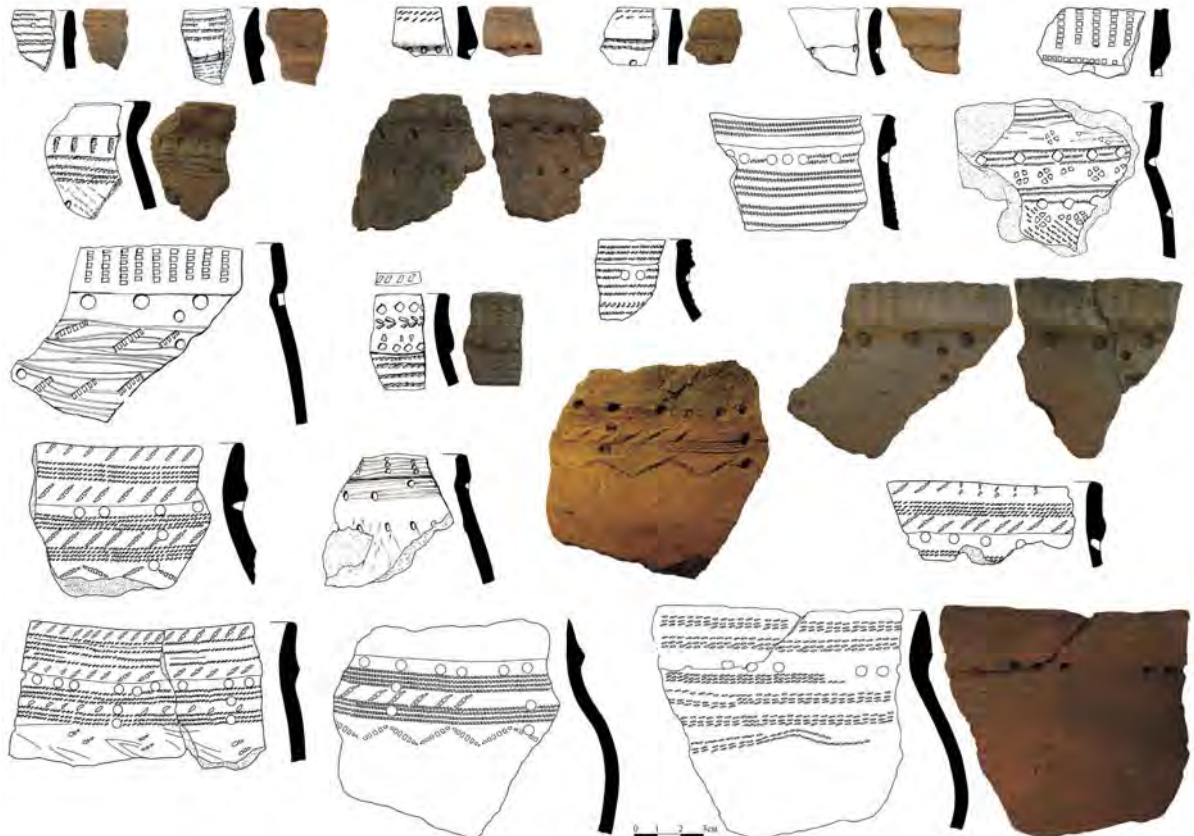

Рис. 3. Плавнoproфилированная керамика с «воротничком» (Костромское Поволжье).

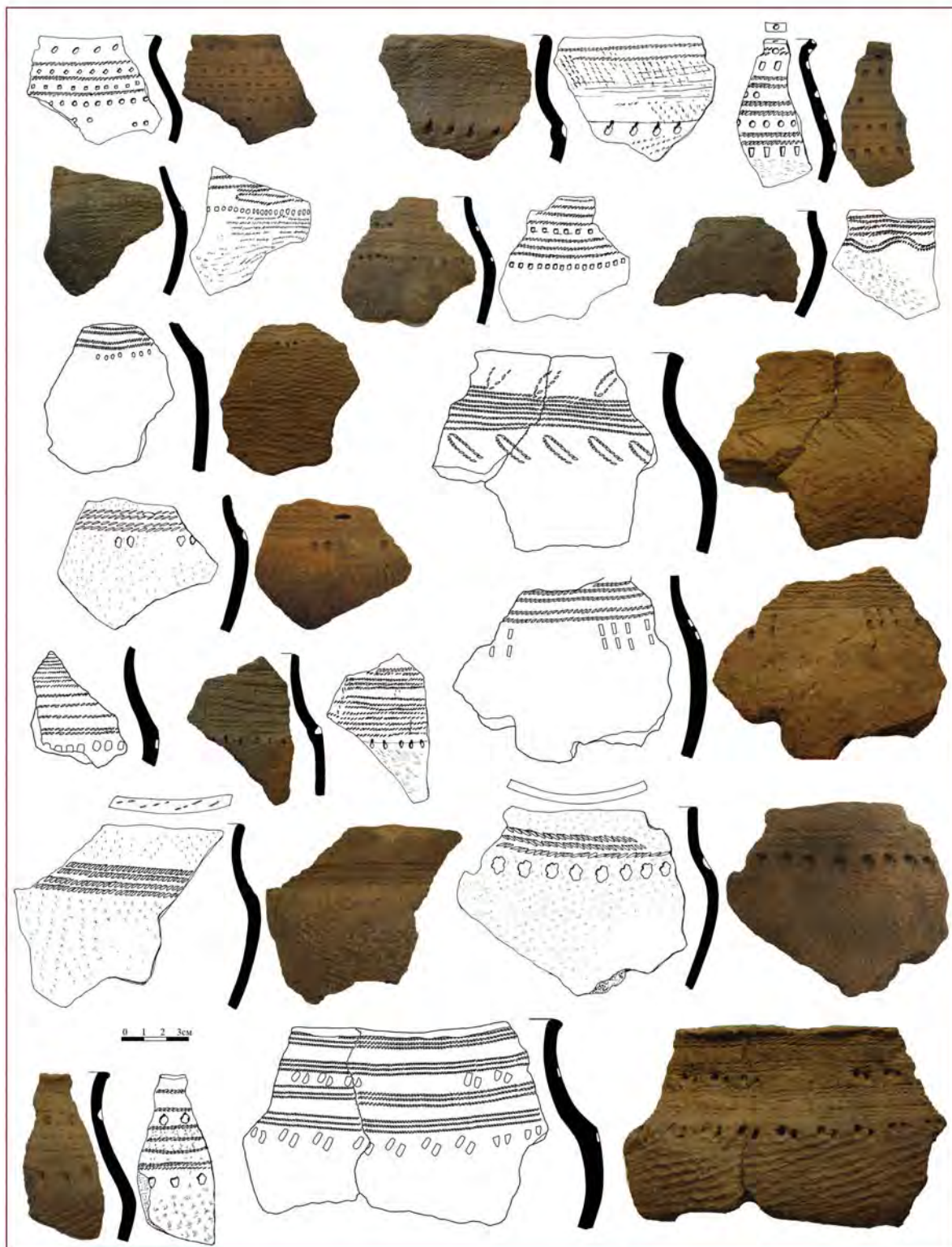

Рис. 4. Костромское Поволжье. Профилированная керамика ананьинского облика с выраженным плечом.

Рис. 5. Керамика ананьинского облика Костромского Поволжья каменоложской стадии, начало гибридации.

Рис. 6. Шнуровая керамика Костромского Поволжья ныргындинской стадии, гибридная керамика.

шнуровой орнамент		гребенчатый орнамент		ямочный, штамповый орнамент	
	22,2%		1,1%		31 - 3%
	1,4%		0,1%		87 - 8,7%
	17,4%		1,5%		3 - 0,3%
	0,6%		0,4%		15 - 1,5%
	4,9%		0,1%		3 - 0,3%
	5%		0,5%		5 - 0,5%
	9,8%		0,2%		30 - 3%
	0,3%		0,1%		4 - 0,3%
	0,1%		0,1%		3 - 0,3%
	0,3%		0,1%		10 - 1%
	0,2%		0,1%		13 - 1,3%
	0,8%		0,8%		1 - 0,1%
	4,5%		0,8%		3 - 0,3%
	0,3%	55 ед - 5,5%			2 - 0,2%
	0,3%				0,3%
	0,2%	прочерченный и нарезной орнамент			1 - 0,1%
	0,3%		2 - 0,2%		2 - 0,2%
	0,5%		1 - 0,1%		19 - 1,9%
696 ед. - 68,5%		3 ед. - 0,3%			5 - 0,5%
					2 - 0,2%
					2 - 0,2%
		261 ед. - 25,7%			1 - 0,1%
					2 - 0,2%
					2 - 0,2%
					12 - 1,2%
					2 - 0,2%
					1 - 0,1%

Рис. 7. Элементы орнамента на керамике ананьинского облика Костромского Поволжья.